

18+

АРКАДИЙ ТИМОФЕЕВ

Танец на берегу

18+ рассказы для взрослых

Аркадий Тимофеев
Танец на берегу. 18+
Рассказы для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613059

ISBN 9785448599354

Аннотация

На пустынном острове не было ни души, лишь в зарослях, где-то недалеко, доносились голоса животных. В розово-багровом небе кружили чайки, высматривая в воде океана добычу. Она стояла передо мной в чудесном белом платье, которое в закате солнечных лучей давало лёгкий розовый оттенок. Она, склонив голову, положила мне её на плечо и обвила шею руками. Я держал её стройное тело обеими руками... Мои руки «плавали» по её изогнутому телу, от её холмиков груди к «вальсирующему» животику, спускаясь ниже.

Содержание

Танец на берегу	6
Дождливый вечер...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Танец на берегу

18+ Рассказы для взрослых

Аркадий Тимофеев

Фотограф Олег Кулаков

Фотограф Никита #этоживыефото Хнюнин

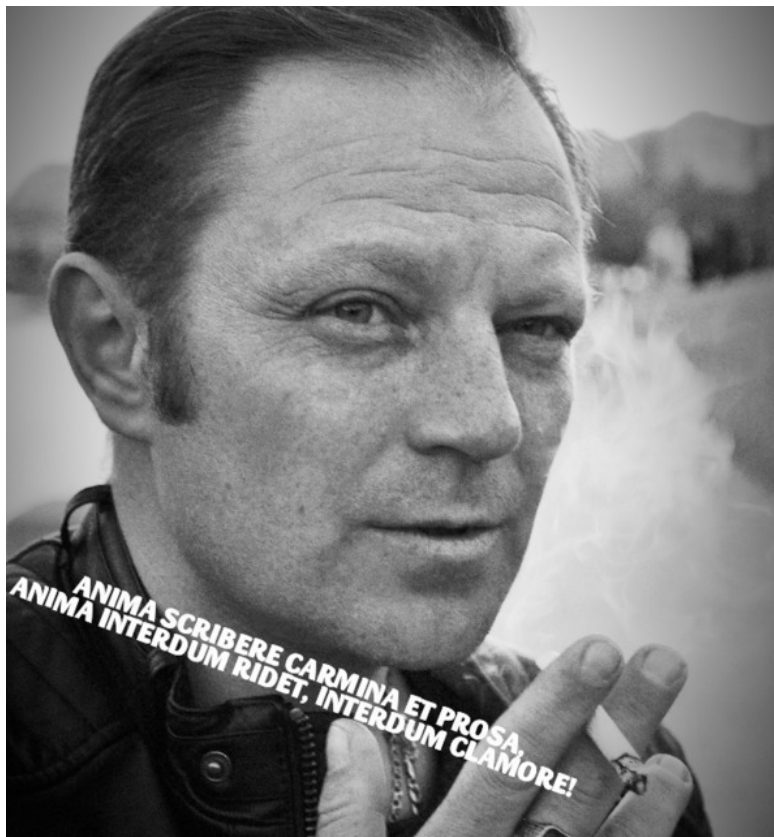
© Аркадий Тимофеев, 2019

© Олег Кулаков, фотографии, 2019

© Никита #этоживыефото Хнюнин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4485-9935-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ANIMA SCRIBERE CARMINA ET PROSA,
ANIMA INTERDUM RIDET, INTERDUM CLAMORE!**

Танец на берегу

На пустынном острове не было ни души, лишь в зарослях, где-то недалеко, доносились голоса животных. В розово-багровом небе кружили чайки, высматривая в воде океана добычу. По берегу лилась музыка саксофона группы The Fugees «Killing Me Softly». Она стояла передо мной в чудесном белом платье, которое в закате солнечных лучей давало лёгкий розовый оттенок. Ноги её были босы, мокрые от воды и с налипшим белым песком. Я подошёл, нежно притянул её к себе и стал кружить с ней в танце. Волосы её падали на лицо и закрывали его почти полностью, но сквозь них я видел её красивые карие глаза, прячущиеся за длинными чёрными ресницами, нежные, как малиновое суфле, губы и чудесную родинку на левой щеке. Она смотрела на меня и улыбалась, а солнце катилось за горизонт, медленно, в такт чарующему голосу саксофона, а мы танцевали в набегающих на наши ноги тёплых волнах Тихого океана... Как хотелось, чтобы музыка не прекращалась до самого утра. Солнце уже закатилось за горизонт, словно потонув в океане. Над макушками могучих деревьев вошла луна, яркая, словно начищенное столовое серебро, вокруг неё звёзды просыпались, открывая свои глаза. Музыка продолжала играть, сменяя композиции одну за другой. Она, склонив голову, положила мне на плечо и обвила шею руками. Я держал её стройное тело обеими

руками. Зазвучала песня Челентано «Angel», мы продолжали танцевать по колено в воде. Опустив голову ей на плечо, я уткнулся носом в нежную, атласную кожу шеи и вдохнул аромат её тела, запах её волос. В голове стал опускаться туман, я словно пьянел, с каждым вдохом тумана становилось всё больше и больше, сердце бешено стучало, руки от притока адреналина немного тряслись. Чтобы она этого не заметила, я прижал её сильнее к себе, глядя её по спинке. Под песню «Angel» мне казалось, что я держу в руках самого настоящего ангела. Руки гладили её грациозную спину, а мне казалось, что я глажу её мягкие нежные крылья ангела. Сам того не замечая, мои губы прикоснулись к её шее и стали осыпать её поцелуями сверху вниз и обратно. Я почувствовал, как её тело начало трепетать, а дыхание её участилось, и стало слышно, как она дышит. Губами ощущал биение сердца на её артерии на шее. Губы стали медленно подниматься к её лицу, осыпая каждый миллиметр шеи, и приближались к её ушкам, задержавшись и удостоив их вниманием, покусывая и слегка втягивая губами, постепенно переходя и осыпая её щеки и глаза, которые она прикрыла. Наконец-то мои губы достигли своей цели и впились, жадно упиваясь вкусом её поцелуя. Её губы были влажные и горячие, они так страстно впивались в мои губы, что мне казалось, что ко мне прикасались раскалённой железкой, иногда покусывая мои губы. Я был опьянён, руки судорожно бегали по всей спине, сами того не ведая, расстегнув замок на платье, которое, скользнув

с её плечиков, упало к ногам, и она предстала предо мной словно Ева пред Адамом. Её руки скользнули по моему телу, пронизывая меня как будто электрическим током, и, задрав вверх мою футболку, она стянула её и резко отбросила в сторону и впилась снова в мои губы, обвив руками, схватилась за спину, слегка царапая её ногтями. Её стройную фигуру луна озаряла своим белым светом, и она смотрелась словно скульптура Леонардо да Винчи, которой можно было любоваться часами, разглядывая каждый уголок её тела. А в голове крутилась песня Портного:

Кто тебя создал
Такую?
Я гляжу, и взор
Ликует,
Ты как будто
Вся из сказки.
Кто создал тебя
Такую?
Белый свет собой
Чаруя,
Ты идёшь навстречу мне
В сумерках ночных,
В звёздной тишине.
Словно лебедь
С тонким станом,
Вся из белого тумана,
Ты плывёшь

В мои объятия.

Кто создал тебя

Такую?

Я глаза твои целую.

Но я не мог удостоить себя такого счастья – наслаждаться глазами, я прижался к её телу ещё сильнее, ощущая каждой клеточкой тела прикосновение её кожи. Почувствовав руками гладкую как шёлк кожу, по моим венам побежала бурлящая лава крови. Тут заиграла страстная гитара Джесси Кука и его знаменитая композиция «Tempest», что переводилось как «Буря». Вот тут и началась та самая буря страстей и слияние двух огней. Танец страсти и языков пламени двух дышащих жаром огней...

Больше не в силах себя сдерживать и перестав слушаться своего рассудка, мои руки и губы начали бешено изучать каждый миллиметр её тела, скользя по всем уголкам её миниатюрной фигурки. Её тело дрожало и извивалось от каждого прикосновения моих губ, языка и пальцев. Из приоткрытого слегка рта доносилось еле слышное постанывание, иногда доходящее до звука, похожего на рычание львицы. Руки её, вцепившись в мою голову, яростно ерошили мои волосы. Иногда она сжимала руки так, что мне казалось, что сейчас она в порыве ярости вырвет мне клочок волос, до боли, но боль только ещё больше меня раззадоривала, отчего я ещё яростней сжимал руками её тело, впивался губами, зубами, иногда покусывая её нежнейшую кожу. Больше всего я уде-

лял внимание её груди, эти два аккуратных холмика расположились чуть к северу долины её прекрасного тела. Рыча, как лев, я покусывал красные пики этих двух холмов, набухших от возбуждения и необузданного вожделения, всасывал их губами к языку, который остервенело устраивал им там словно пытку, танец, ходя по кругу и спускаясь к подножию этих пиков, розовых, как молоко с малиной, мне даже казался вкус сквозь затуманенный разум. Руки мои также не могли остановить этот необузданный танец страсти пылающих от возбуждения двух огней. Словно в костре бушующем танцевали языки пламени, переплетаясь, и поднимались к небу истинного блаженства, высшей точке наслаждения, от соприкосновений, дыхания. Руки бегали по всему телу, сжимали её ягодицы, отчего она иногда даже вскрикивала, мяли словно глину её грудь, свободную от моих губ, нежно покручивая и сжимая пальцами пики. Губы то и дело переходили с одной груди на другую, проводя языком дорожку в ущелье между холмами. Наигравшись и насладившись, я стал опускаться ниже, целуя и щекоча кончиком языка её шёлковую кожу. Добравшись до животика, который колыбался от каждого прикосновения, словно море шло волнами в небольшой шторм, как земля ходила ходуном вовремя девятибалльного землетрясения, я остервенело стал осыпать его поцелуями и сладкими пытками своего горячего и мокрого языка. Язык бегал по всей «полянке» её животика, то и дело проваливался в ямку её пупка, где преградой была сережка с небольшим

камушком. Руки тем временем гладили её стройные ножки, то спускаясь, то поднимаясь к ягодицам, пока, не сменив направление, не скользнули к её лону, уже разгорячённому и мокрому от перевозбуждения. Пальцы нащупали её розовый язычок, начали его гладить, сжимать, слегка тянуть, отчего из её приоткрытого рта стал вырываться лёгкий стон, который нарушал тишину ночного неба. Язык стал медленно спускаться, чтобы помочь пальцам в их экзекуции. Не в силах больше стоять на дрожащих ногах, мы упали в тёплую воду океана. Не отпуская своих рук, мы лежали в воде, так что волны, накатывая, щекотали нам ноги и доходили до разгорячённых тел. Язык достиг своей цели и слегка прикоснулся к её набухшему розовому язычку, а пальцы, соскользнув, вошли в её пышущую жаром мокрую пещерку, отчего она протяжно вскрикнула и зарычала, как дикая львица. Этот рык только ещё больше меня возбуждал, и я ещё сильнее стал впиваться губами, проникая глубже в её лоно, заставляя её извиваться как змея на белом, нагретом за жаркий день, но уже остывающем от воды и ночной прохлады песке. Её руки, отпустив давно мои волосы, были словно лопасти ветряных мельниц, которые крутились по песку вокруг, раскапывая канавки, в которых скапливалась вода от набегающих волн, то закидывала за голову и хватала надувной матрац, который валялся рядом, на котором она загорала сегодня днём на мелководье. Она сжимала матрац так, что тот хрустел своей резиной, и казалось, что она сейчас его проткнёт своими

ногтями. Иногда, когда мой язык заходил слишком далеко и зубы присоединялись, ей становилось немного больно, она руками инстинктивно вцеплялись мне в голову, пытаясь оттолкнуть меня от себя, но я только немного ослаблял хватку и напор, но ненадолго...

Не в силах больше терпеть, чувствуя, наверно, приближение фейерверка, который должен был разорваться в ней разноцветными вспышками, она резко приподнялась на локтях и посмотрела на меня сквозь мокрые волосы, которые падали на её лицо. Сквозь волосы я видел наполненные страстью, вожделением, диким кошачьим возбуждением её карие глаза, её приоткрытый и, видимо, пересохший рот, который она облизывала языком. Оттолкнув меня от себя немного, она встала, схватила меня за руку и повалила на матрац, отчего тот жалобно скрипнул и сильно промялся под моим весом. Она мгновение постояла надо мной, словно гладиатор над побеждённым противником, всё так же глядя на меня сквозь волосы, но в свете яркой луны я видел, как горят её глаза. Потом, опустившись, села на меня, впиваясь губами в мои, с особой страстью стала меня целовать, наши языки устроили борьбу за право оказаться на чужой территории. Её руки гладили моё лицо, спускались на грудь, живот. Моему «другу» стало совсем тесно в намокших шортах, и он упирался сквозь них в её тело, которым она как будто специально крутилась на нём. Оторвавшись от моих губ, она стала целовать моё слегка небритое со вчерашнего дня лицо, целовала мои

глаза, переходя к ушам и слегка посасывая их. Я руками вцепился в её ягодицы, сжимал и мял их. Она, оторвавшись, стала спускаться ниже, к груди. Каждой клеточкой я чувствовал её мокрый язык, её мягкие и влажные губы. Мои руки гладили её мокрые волосы, которые, падая, щекотали моё тело. Добравшись до моей груди, она стала мне «мстить» – так же остервенело играть моими сосками, а руки, скользнув, стали стягивать мои шорты, освобождая из тесного плена набухшего и пульсирующего от притока крови моего друга. Стянув до конца штаны, она отшвырнула их в сторону и, обхватив ладошкой разрывающийся от возбуждения ствол, стала массировать его, двигая рукой то вверх, то вниз, то сжимая, то разжимая его, отчего было немного больно, но чертовски приятно. Постепенно её губы опускались всё ниже и ниже, остановившись на животе, она словно в танце стала описывать всевозможные па, не отрываясь от моего тела. Руки то ускорялись, то замедлялись. То прижимала и гладила самой верхушкой моего друга себе по груди, то отрывала от себя, пока, не спустившись к нему губами, не прикоснулась к нему и не пустила в ход свой горячий язычок, который стал бегать по всему стволу, заставляя меня рычать полвиному. Она недолго его мучила и погрузила в свой разгорячённый рот, отчего у меня в глазах побежали круги, звёзды, и от такого необыкновенного удовольствия я потерял бы сознание, но всего лишь голова просто отказалась что-либо понимать, все мои нервные окончания сконцентрировались

там, где были её губы и язык, я даже не чувствовал её рук, которые гладили в это время мою грудь. Моего дружка она погружала глубоко в себя, так что упиралась носиком в мой живот, не забывая при это языком там его ласкать так, что он готов был взорваться от этого блаженства. При этом она продолжала рычать, как львица, то ускоряясь, то замедляясь, то отпуская его из своего рта и играя языком с самой верхушкой, то спускаясь к основанию, то заглатывая его снова. Насладившись вдоволь своей игрой, она оторвалась от пульсирующей башни и, глядя на меня своими карими глазами, наполненными вожделением и страстью, стала медленно подниматься ко мне губами, целуя тело. Дойдя до моих губ, она впиалась в них зубками, сама же, найдя своей пещеркой моего змея, медленно запустила его в себя, при этом, закатив глаза, закрыла их и, испустив не то рык, не то стон, прикусила мою губу до боли, так что я с силой, держа её за талию, подался вперёд, входя в неё глубже и глубже, так что она вскрикнула от неожиданности. В это время играла песня Scorpions «Maybe I, maybe you», её ноты, стон гитары Рудольфа и голос Клауса вводил в такое неистовство, что пока мы, наслаждаясь каждым движением тел, вошли в такой кураж, что матрац, жалобно скрипевший до этого, внезапно лопнул и мы оказались на песке. На мгновенье испугавшись, мы, приостановившись, рассмеялись на всю округу так, что в зарослях умолкли какие-то ночные жители фауны, до этого издававшие то ли пение, то ли призыв партнёра, взяв с нас

пример. Посмеявшись над этим эпизодом, я схватил её и, перевернувшись, оказался на ней сверху, стал входить в неё всё глубже и глубже, по океанской глади понёсся нарастающий её стон, переходящий иногда в рык, иногда в крик. Мои губы и зубы впивались в её плоть то на шее, то на груди, то встречались с её губами в неистовом сражении губами и языками, покусывая, посасывая и толкаясь языками. Её ноги обвивали мой торс, а руки ходили по всей спине, спускались к моим ягодицам, сжимали их, слегка царапали, оставляя на коже красные следы. Двигаясь всё быстрее и быстрее, я заставлял её извиваться, как анаконду, которую поймал змеелов, прижав её голову своим крючком к земле. Я чувствовал, что ещё чуть-чуть, и она достигнет апогея всего этого танца страсти на песчаном берегу нашего острова, поэтому не замедлялся ни на секунду, не сбавлял темпа, даже ещё больше набирая обороты, скорость, как будто поезд разгоняется от станции. Над океаном уже неслись её крики и стоны с такой силой, что, казалось, они долетят до материка, который находился на горизонте километрах в двухстах от нашего островка. Остановившись, я резко её перевернул, поставил на колени перед собой, вцепившись руками в её грудь, и прижался к ней всем телом, с силой вошёл в неё сзади, так, что она попыталась вырваться, подавшись вперёд, но я сдержал её и руками притянул к себе ещё сильнее, словно насаживая, продолжил ускоряться всё быстрее и быстрее. Мы рычали как дикие звери, распугав во всей округе ночных обитателей

леса. Рука отпустила её грудь и стала спускаться вниз по её телу, гладя её живот, пока не достигла пальцами её язычка и не принялась его сжимать и гладить, вводя её в полное изнеможение от прикосновений. Я почувствовал, как она начала сама уже подаваться мне навстречу в такт и всё громче и громче кричать, пока не разразилась во взрыве долгожданного фейерверка, сжав руками лопнувший матрац и насаживаясь дальше на моего друга, стала неистово двигать своей попкой, вырываясь из моих рук. Постепенно на меня накапывало желание взрыва. Схватив крепко её ягодицы, я откинулся назад и, дико рыча, пытаюсь войти в неё всё глубже и глубже, выстрелил из своей пушки залпом. Взорвавшись вулканом, моя лава бурно побежала по её разгорячённой пещере. Я прижался к её спине, и мы упали на наш бедный лопнувший матрац, обнявшись. Уткнувшись носом в её шею, вдыхая запах тела и аромат её волос, мы уснули. Проснулись лишь рано утром от солнца, которое светило уже вовсю над лесом, и в зарослях пели утренние птицы.

Дождливый вечер...

Заехав в магазин купить бутылочку французского красного вина и сыра, он долго по нему не гулял, а сразу отправился в винный отдел. На стеллажах расположилось множество бутылок с винами, стеллажи были разделены табличками по странам. Альберту приглянулась табличка «Франция». Незамедлительно пройдя к ней, он выбрал бутылочку красного вина «Шато Ля Флёр-Петрюс» 2008 года. Пройдя в отдел с сыром, взял увесистый кусок нежного козьего сыра шабишу-дю-пуату. Выскочив на улицу, попал под дождь. «Чёрт, только что же его не было», – подумал он и побежал к машине через всю парковку. Как назло, место оказалось в самом конце огромной площадки для машин. Когда он добежал до автомобиля, костюм и рубашка изрядно намокли. Судорожно ища ключи и пытаясь открыть дверь, он уже чувствовал, что одежда на нем хоть выжимай, вечер, как ему казалось, был испорчен.

Когда Альберт припарковался возле дома, дождь так и не стих, а до подъезда надо было идти метров сто, но другого выхода не было, и пришлось покинуть тёплый салон автомобиля, прихватив букет цветов, который он купил ещё днём, и вино с сыром. Пробежав эти несчастные сто метров, Альберт обновил свой костюм снова под дождём, опять был насквозь мокрый, хоть выжимай. В подъезде, глядя на себя

в зеркало, подумал: «Чёрт, может, не идти?! Такой вид!!! Позвонить, сказать, что дела, заболел!». Но он так ждал этого дня и поэтому решил всё-таки идти, была не была.

На звонок отозвались быстрые шаги, и дверь открыла Снежана, с которой он познакомился в кафе две недели назад. Они обменялись тогда телефонами и переписывались всё это время, менялись фотографиями, Альберт отправлял ей песни разные, вот и настало время для свидания, но дождь решил его испортить.

Дверь распахнулась, и предо ним стоял чистый ангел, в лёгком шёлковом оранжевом платице, которое просвечивало её прекрасный силуэт. Грудь, бёдра, ножки – всё было слегка обтянуто шёлком, что очень возбуждало аппетит не только для вина и сыра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.